

**А.Е. Бочкарёв**

### **О ЗНАЧЕНИИ КАК “ЭКРАНЕ ЗНАНИЙ”**

В восприятии действительности человек руководствуется, о чем свидетельствует многообразие видов и способов категоризации, разными системами знаний. Каким бы ни был способ смыслополагания, общим остается моделирующий принцип: понимание не ограничивается воспроизведением вещи такой, как есть, а воссоздает ее в категориях соответствующей системы знаний.

Поскольку все входящие в картину мира объекты категоризованы, человек воспринимает мир в таксономической “обработке”, а идентификация какого угодно предмета или явления совершается посредством соотнесения с соответствующей таксономией. Поэтому, замечает Н.Д. Арутюнова<sup>1</sup>, в эталонной ситуации не говорят: *Я вижу что-то белое, круглое и плоское*, а говорят: *Я вижу тарелку*. Причем отличительные признаки, которыми характеризуется в таксономической “обработке” содержание понятия *тарелка*, фигурируют по умолчанию во всяком нормативном употреблении слова, а всякий говорящий подразумевает *implicite*, что *тарелка* — это посуда круглой формы с приподнятыми краями и широким плоским дном и что *тарелки* бывают мелкими или глубокими, десертными или суповыми, фарфоровыми или фаянсовыми. Так рассуждают многие логики, когда, анализируя значение слова, сводят его к инвентаризации таксономических признаков, а в этих признаках усматривают необходимые и достаточные условия, которым должно удовлетворять, чтобы гарантировать правильное обозначение, всякое употребление анализируемой лексической единицы.

В реальном употреблении языка нельзя вместе с тем не отметить и многочисленные случаи диффузных, или, как пишет К. Бюлер<sup>2</sup>, “неясных” понятий. О размытом содержании таких понятий можно судить хотя бы по актуальному словоупотреблению в повседневном общении. Возьмем, например, такой разговор на рынке между покупательницей и продавщицей. Обсуждая прогноз погоды на ближайшую неделю, женщины сетуют на довольно прохладную погоду в июле, и даже предвещание жаркого августа их не утешает: *август ведь не лето*. С точки зрения условно-истинностной семантики такое суждение ложно, ибо в календарном исчислении *август* относится к летнему периоду. Но определяющим в актуальном словоупотреблении является, как видно, не соответствие объективному положению вещей, а общепринятые представления о том, что лето — самое теплое время года и что наиболее, так сказать, летним (и, значит, теплым) месяцем года является июль.

*Лето* определяется, таким образом, по отношению к наиболее типичному для данного периода года месяцу, а в ряду *июнь—июль—август* таким месяцем признается *июль* как удовлетворяющий в наивысшей степени характеризующему лето свойству. “Аномальным” становится в итоге не “странное” суждение, а несоответствие погодных условий нормативным показателям; и, невзирая на тавтологию, можно, стало быть, предаваться вместе с женщинами на рынке рассуждениям, будет ли будущим летом по-летнему летней погода.

Весьма поучительна в этой связи предложенная французским исследователем А. Модем<sup>3</sup> классификация культуры по способу хранения и организации знаний, которые человек проецирует на окружающий мир и с которыми согласует все свои восприятия.

- Классическая организация знаний предполагает иерархическую упорядоченность идей в умах людей в виде стройной системы подчиненных друг другу и четко определенных категорий — “сети маршрутов” с некоторыми узловыми точками в виде сложившихся в рамках объективного знания понятий. В такой системе знаний человеку ничего не стоит перейти, например, от китайского фарфора к карбюратору: о карбюраторе судить относительно двигателя внутреннего сгорания, о фарфоре — относительно хозяйственной утвари, домашнего интерьера или предметов коллекционирования.

- В массовом сознании классическая структура вытесняется “мозаичным” типом организации знания. В структурном отношении “экран знаний” выстраивается, как и в архаических культурах, по типу бриколажа. И напоминает, образно говоря, какое-то волокнистое образование, войлок, в котором отдельные элементы сцепляются между собой чисто случайными связями — по времени усвоения, созвучию или ассоциации идей, но являются при этом не менее устойчивыми, чем классические логические связи. Означает ли это, что в “мозаичном” типе культуры нет вообще, как заключает А. Модем, общих “точек отсчета”? Действительно, нет в классическом понимании, зато есть обладающие большой силой опорные идеи в виде псевдопонятий.

Для понимания того, как оформляются псевдопонятия в “мозаичном” типе сознания, значительную роль сыграла ныне классическая книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона “*Metaphors we live by*” (1980). И не только потому, что авторы обращаются к принципиальной метафоричности обыденной нашей понятийной системы, но, главное, еще и потому, что обращаются путем изучения неклассических способов категоризации к “миру, как он представлен в опыте”: *world-as-experienced*. “Это значит, — поясняет впоследствии Дж. Лакофф, — что модельная структура, которая определяет возможный мир (или ситуацию), является этим миром (или ситуацией). Модельная структура для мира (или ситуации) состоит из структуры сущностей и множеств; эти множества не только

структурируют мир (или ситуацию), они являются частью мира (или ситуации). Не существует разделения между миром и структурированным пониманием”<sup>4</sup>.

В качестве иллюстрации возьмем хотя бы разбираемый Дж. Лакоффом и М. Джонсоном пример того, как понимается в обыденном сознании амер. *argument* “спор”<sup>5</sup>. В классической модели знания *спор* определяют обычно в рамках категории //система доказательств// в отношении к *обсуждению, дискуссии, прениям, аргументации, точке зрения* и т.п., а в установленных таким образом свойствах усматривают в обратном порядке необходимые и достаточные условия для образования соответствующей категории. Иначе обстоит дело в обыденном “мозаичном” сознании. Как показывают результаты исследования, в обыденном сознании амер. *argument* “спор” переосмысливается в терминах военного дела, как если бы спор был действительно баталией, доводы — оружием, оппонент — противником, исход спора — победой или поражением, и как следствие наделяется несвойственными признаками типа /устрашение/, /подавление/, /нападение/ или /защита/, ср.: *I demolished his argument*. “Я разбил его аргументацию”; *He shot down all of my arguments*. «Он разгромил (букв. “расстрелял”) все мои аргументы»; *Your claims are indefensible*. «Ваши утверждения недоказуемы (букв. “незащитимы”)». Причем, добавляют авторы, метафоры функционируют в языке не поодиночке, а семьями. Так что базисная метафора вида *an argument is a war* “спор — это война” связывается необходимым образом с метафорами *an argument is a journey* “спор — это путешествие”, *journey defines a path* “путешествие определяет путь”, *the path of an argument is a surface* “путь спора — это поверхность”, *an argument is a container* “спор — этоместилище” и т.п.

Не вдаваясь в рассуждения, насколько метафорична понятийная наша система, преобладают ли здесь субстантивные или предикатные метафоры и насколько развернутыми могут быть вообще метафоры, заметим пока, что представленный способ категоризации отличается существенным образом от классического и что такое понимание укореняется в массовом сознании так, что принимается говорящими чуть ли не за объективную характеристику того, чем является “на самом деле” *argument* “спор”. Доводом в пользу такой категоризации, а заодно и интерпретантом метафорической транспозиции ‘*argument*’ *спор* → ‘*war*’ *война* здесь служат, очевидно, социально-нормированные аксиомы в виде таких общепринятых суждений: *спор — это война; в споре можно победить или проиграть; человек, с которым мы спорим, — противник*.

Не менее примечательны для понимания категоризации и разработанные Дж. Лакоффом<sup>6</sup> метонимические модели. Взяв в качестве примера амер. *mother* “мать”, Дж. Лакофф, в частности, отмечает, что содержание анализируемого концепта раскрывается

в перспективе сразу нескольких моделей понимания: в генетической модели *mother* “мать” — это женщина, давшая жизнь ребенку; в модели воспитания — женщина, вырастившая и воспитавшая ребенка; в супружеской модели — жена отца; в генеалогической модели — ближайший родственник женского пола по восходящей линии. Содержание анализируемого концепта нельзя определить в терминах необходимых и достаточных условий, которым удовлетворяли бы сразу все известные модели “материнства”, зато можно подобрать такую субкатегорию, которая замещала бы по метонимическому принципу всю категорию. В кластерной модели *mother* “мать” такой субкатегорией является *genetic mother*: “женщина, которая дала жизнь ребенку”, а наиболее типичным ее выражением — мать-*домохозяйка*. Так наиболее репрезентативная субкатегория замещает метонимически всю категорию.

Установка на когнитивные аналоги знания позволяет, таким образом, сформулировать принципиально важные для семантики положения.

- Способы и виды категоризации зависят от системы знаний, в которой совершается категоризация.

- С переориентацией исследования от научной к наивной картине мира — от мира как такового к миру, как он понимается, изучению подлежат не сами по себе свойства бытия, а способы их репрезентации в разных системах знания. Так, понимание релятивизируется относительно модели знания, а когнитивный релятивизм возводится в достоинство методологического принципа исследования значения.

- В обыденном сознании категоризация совершается иначе. Как свидетельствуют когнитивные исследования, в категориях *folk genera* нет такого набора ингерентных свойств, по которым определялись бы сразу все входящие сюда элементы и по которым устанавливались бы четкие границы категории. Остается только уповать на так называемое “семейное сходство”, а принадлежность элемента категории определять по сходству с “центральным” представителем категории.

- Установка на категории *folk genera* не означает отказа от объективно-научных таксономий. И не только потому, что эти таксономии входят по принципу дополнительности в общую картину мира, но еще и потому, что объективно-научные категории служат, можно сказать, фоном, на котором проступают специфические особенности “субъективных” категорий.

- К концептам неприменим, наконец, условно-истинностный анализ. Ибо если мнение принимается за достаточное основание суждений, не могут не измениться существенным образом и критерии верификации истинностного значения: истинностное значение суждений релятивизируется относительно системы мнений, в которой оформляются эти суждения.

Но как бы убедительно ни выглядели современные когнитивные исследования, анализ значения нельзя замыкать на когнитивных аналогах знания. Чтобы понять, как устроены семантические классы, лингвистической семантике приходится заключать в обратном порядке — не от когнитивных аналогов знания к употреблению, а от употребления к когнитивным аналогам знания. Например, в высказывании *An argument is discussion involving different points of view* или *An argument is a statement for a point* отношение субъекта к предикату согласуется с объективными моделями знания, а в высказывании *An argument is a war* или *An argument is a journey* — со сложившимися в общественной практике представлениями. В первом случае системный класс, на котором устанавливаются искомое значение, строится по типу таксономии, во втором же включает элементы разносистемных парадигм, в том числе ‘war’ война, ‘strategy’ стратегия, ‘win’ победа, ‘defeat’ поражение, ‘journey’ путешествие, ‘path’ путь, ‘container’ вместительность или ‘surface’ поверхность. Причем установить, насколько сложившимся является такой класс в языке, можно только по условиям употребления — по тому, насколько устойчивым в условиях реальной коммуникации является, например, определение амер. *argument* в терминах военного дела, путешествия, пути, вместительности или поверхности.

Так приходим к принципиальным для лингвистической семантики установлениям:

- Понимание языковых произведений нельзя изолировать от системы общих мнений (*doxa*). Поскольку всякое суждение об окружающих нас в мире вещах отражает не сами по себе вещи, а сложившиеся о них представления, значение слова включает наряду с таксономическими признаками и то, что лежит за пределами объективного знания. Именно такие представления и позволяют в пределе судить об особенностях языковой картины мира, а амер. *argument* “спор”, например, определять в терминах военных действий.

- Какими бы привлекательными ни казались исследуемые когнитивной семантикой модели понимания, анализ значения нельзя замыкать на когнитивных аналогах знания, а языковое значение — сводить к ментальным репрезентациям. Без таких моделей в интерпретации, конечно, не обойтись, но учитывать их в семантическом анализе следует в качестве разве только глобальных прагматических условий.

- Собственно лингвистическим анализ значения может быть только при изучении языковых выражений по отношению к другим языковым выражениям. В отношении разбираемого концепта можно, например, утверждать, что амер. *argument* “спор” определяется в языке не только в отношении к *argumentation* “аргументация”, *reasoning* “рассуждение”, *discussion* “обсуждение”, *debate*

“прения”, *disputation* “полемика” или *point of view* “точка зрения”, но и в отношении к *war* “война”, *journey* “путешествие”, *surface* “поверхность” или *container* “вместилище”. Компоненты значения устанавливаются в таком случае не на основе психологических коррелятов, а путем соотнесения с другими выражениями внутри изучаемой языковой последовательности.

• Каким бы ни был способ представления, устанавливаемое при его посредстве содержание нельзя трактовать субстанциально. В качестве модуса видения оно обосновывается и утверждается только в форме устанавливаемых при его посредстве отношений. В отношении *war* “война”, например, в содержании ‘argument’ *спор* профилируется признак /агрессивный/, в отношении к *journey* “путешествие” — /продвижение вперед/, в отношении к *container* “вместилище” — /содержание/.

• В микросемантическом отношении содержание концепта можно представить в виде “семной молекулы”<sup>7</sup>, составные компоненты которой актуализируются с переменной или полной лексикализацией в избранном корпусе текстов.

### **Примечания**

- <sup>1</sup> См.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 422.
- <sup>2</sup> См.: Бюлер К. Теория языка. М., 1993. С. 203; ср.: Zadeh L. A. Quantitative Fuzzy Semantics // Information Sciences. 1971. N 3. P. 159—176; Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the Eighth Regional Meeting. Chicago, 1972. P. 183—228.
- <sup>3</sup> См.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 43—46.
- <sup>4</sup> Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. С. 283.
- <sup>5</sup> См.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 26—27, 112—115, 117, 121, 138, 238.
- <sup>6</sup> См.: Лакофф Дж. Указ. соч. С. 111—127, 269—270.
- <sup>7</sup> Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Н. Новгород, 2001. С. 16, 286.